

А. А. БОГДАНОВ

ВЫПУСК В ОБРАЩЕНИЕ НОВЫХ МОНЕТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1750-х гг. (по материалам сенатского архива)*

Статья посвящена мероприятиям второй половины 1750-х гг. по подготовке и легитимизации выпуска новых монет. Материал написан на основе документов архива Сената: сохранились доношения Монетной канцелярии, сенатские указы и определения. Прослежена административная цепочка подготовки выпуска и легитимизации новых монет, процесса выработки основного указа о выпуске монет и его печати в Сенатской типографии.

The innovations in the Russian monetary system in the second half of the 1750s are considered in the article «Issue of new coins in the second half of the 1750s on the documents of the Senate Archive». The article is about the preliminary works for preparations and legitimization of the issue of new coins on the basis of information of the documents in the Archive of the Senate. Among the documents of the Senate Archive reports of the Monetary Chancellery, the Senate decrees and definitions deposited. In each case the chain of administrative preparation for issue and legitimization of the new coins, the process of developing the main issue of the decree about the coins and the printing press in the Senate are traced.

Ключевые слова: 1750-е годы; Сенат; монетное дело; законодательные и делопроизводственные документы; нумизматика.

Keywords: numismatics; source study; coinage; Senate, 1750s.

Любая монета является отражением своего времени. О российских монетах середины XVIII в. можно сказать с полным правом — это монеты с барочными затейливыми картушами, «орлами в облаках», пышны-

* Статья подготовлена при поддержке Гранта президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук МК-3375.2014.6.

ми портретами первой красавицы своего века — императрицы Елизаветы и причудливыми вензелями.

В 1750-х гг. появляется несколько серий новых монет. В. В. Уздеников писал, что «по своей значимости в деле реформирования российской монетной системы 1755 год занимает в XVIII в. одно из первых мест» [1, с. 153]. В 1755 г. начинают чеканить медную копейку 8-рублевой стопы, золотые империалы, полуимпериалы, мелкие монеты и серебряный пятачок. В 1756 г. появляются первые ливонезы — монеты для Прибалтики — и золотые монеты мелких номиналов. В 1757 г. возникает целая серия новых медных монет — от полушки до двухкопеечника, а в 1758 г. к ним присоединяется пятак.

Хронологическая компактность введения в оборот этих монет обусловила схожий механизм принятия и утверждения решений об их чеканке на высшем уровне. Важные документы об этом отложились в объемных томах «дел Сената по Монетной канцелярии», ныне хранящихся в Российском государственном архиве древних актов.

Некоторые из материалов публиковались в издании вел. кн. Георгия Михайловича [10], однако без необходимого археографического сопровождения. Все нити управления государством, в том числе регулирование монетного дела и обращения в империи, были в этот период сосредоточены в Правительствующем Сенате.

Монетная канцелярия, подчинявшаяся Сенату, до 1754 г. находилась в Москве, затем была переведена в Петербург. В 1760 г. монетное дело перешло под начало Берг-коллегии, восстановленной Елизаветой Петровной, канцелярия была реорганизована в Монетный департамент при Берг-коллегии, которые возглавлял И. А. Шлаттер.

Итак, в 1750-х гг. на уровне взаимоотношений Сената и Монетной канцелярии решались наиболее важные вопросы, связанные с монетным делом: выкупа старой монеты, закупки сырья, жизни отдельных служащих Монетной канцелярии и монетных дворов. Есть дело «о неотсылке медального мастера Климова в Сыскной приказ, а о учинении ему за оказанную продерзость наказания батожем и об отсылке для церковного покаяния в контору Святейшего Синода» [2, л. 23—34]. Дела, связанные с выпуском новой монеты, сосредоточены в книге объемом более тысячи листов, которая представляет собой подборку по разным вопросам, связанным с Монетной канцелярией за 1754—1760 гг. [3]. Дела с обложками собраны по хронологии и переплетены (по-видимому, во второй половине XVIII в.) в простые кожаные переплеты. Тогда же была составлена опись дел, вплетенная в начало тома, и стала

применяться сквозная нумерация листов, которая используется до настоящего времени.

К середине XVIII в. в обращении находились медные, серебряные и золотые монеты разных номиналов, чеканившиеся в разные годы по разным весовым нормам.

Медная монета с 1730 по 1754 г. выпускалась в двух номиналах — денга и полушка — и была относительно тяжеловесной: чеканилась по норме в 10 руб. из пуда меди (в порядке). Однако в обращении находилось много старой легковесной монеты, и прежде всего пятикопеечников 1723—1730 гг., стопа которых составляла 40 руб. из пуда меди (в порядке). Эти пятаки были ахиллесовой пятой российского денежного обращения в XVIII в. из-за своей легковесности и подделок фальшивомонетчиками. В 1744 г. был принят проект по искоренению этих монет: он предусматривал снижение их нарицательной стоимости, изъятие и перечеканку. К 1755 г. в казне скопилось количество пятаков, достаточное для проведения масштабной операции по их перечеканке. Первой новой монетой 1755 г. стала именно копейка 8-рублевой стопы.

Предложения, поданные генерал-фельдмаршалом П. И. Шуваловым императрице, были утверждены 7 марта 1755 г. Формально воля Елизаветы и стала отправной точкой работы по легитимизации чеканки новых копеек. По-видимому, вместе с докладом П. И. Шувалова были одобрены и заготовленные пробные монеты, как записано в доношении Монетной канцелярии [3, л. 95]. Некоторые из них дошли до наших дней.

В указе Монетной канцелярии о принятии мер по началу чеканки от 11 марта Сенат предписывал обеспечить выкуп старых пятаков, заготовить определенную сумму новых копеек, чеканенных «из новой меди», т. е. на новых кружках, и подготовить «формуляр» для публикации информации о новых монетах в народе: «Монетной канцелярии, учиня формуляр, прислать ко апробации в Правительствующий Сенат, дабы оные все в одно время будущего сентября 1 дня сего года опубликованы быть могли» [3, л. 95 об.].

Можно утверждать, что первоначальным автором текста указа была Монетная канцелярия, а именно И. А. Шлаттер, И. Годин и И. Нейман. «Формуляр к апробации» был послан в Сенат как приложение к доношению от 31 июля 1755 г. [3, л. 100, 100 об.]. Сенат, рассмотрев присланный формуляр, несколько изменил его и подготовил черновик к 11 августа [3, л. 101—103 об.]. После переписки набело и повторного рассмотрения [3, л. 104—106 об.] началась подготовка к печати указа в Сенатской типографии.

Указы, объявленные «во всенародное известие», публиковались в виде печатных листов с воспроизведением текста документа и приложений к нему (таблиц, планов, изображений гербов, монет и пр.). Часть таких листов рассылалась в учреждения и оседала в их делах, а часть расклеивалась на особых столбах на всеобщее обозрение и зачитывалась глашатаями. Изображения монет при печатных листах с указами об их выпуске рассматривались как важнейший элемент, поскольку основная функция таких листов — оповещение широких слоев населения империи о внешнем виде новых монет.

Оттиск изображения делался двумя способами: глубокой и высокой печатью, как правило, ниже текста документа. В первом случае путем оттиска специального клише (в документах того времени используется термин «штемпель»), а во втором — медной доски, на которой изображение было выгравировано резцом. Работу по изготовлению и досок, и «штемпелей» выполняла Гравировальная палата Академии наук — центр по изготовлению самых разных гравюр [5].

После изготовления мастерами палаты нужных «штемпелей» Сенатская типография напечатала указ от 18 августа 1755 г., опубликованный позже в Полном собрании законов (далее — ПСЗ) как именной [4, № 10447]. На листе есть дата печати, даты подписания нет.

Указ обозначен в этом издании как именной, однако готовился он без участия Елизаветы. На печатном листе есть помета «Подлинный по высочайшей Ее Императорского Величества конфирмации за подписанием Правительствующего Сената», хотя в начале документа дан полный титул императрицы. Следует отметить несоответствие названия документа в ПСЗ, его титула и сведений о подписании.

Интересно, что в деле Сенатского архива сохранились два экземпляра печатного указа — как с изображением новой копейки, так и без него [3, л. 115, 116], причем набор букв сделан по-разному. Возможно, это пробы набора Сенатской типографии. Указ был разослан по коллегиям, канцеляриям и конторам в губернии и провинции, и копейка 8-рублевой стопы стала полноправной русской монетой. В фондах Сената сохранились ведомости с отмеченным количеством листов, отправленных в разные учреждения и регионы.

В это же время готовилась и чеканка серебряных пятикопеечников, призванных облегчить размен мелких монет. Серебряная монета в середине XVIII в. чеканилась в нескольких номиналах — рубль, полтина, полуполтинник и гривенник из серебра 77-й пробы. Однако возникла необходимость создания монеты промежуточного номинала между са-

мой крупной чеканившейся медной монетой (денга, т. е. 1/2 копейки, а с 1755 г. — копейка) и самой мелкой серебряной (гривенник, т. е. 10 копеек) для удобства размена. Пятикопеечники из серебра, чеканившиеся в XVIII в. эпизодически, в XIX — начале XX в. стали непременным атрибутом набора номиналов разменной серебряной монеты. В 1758 г. началась чеканка медных пятикопеечников, которые взяли на себя функцию обеспечения размена более крупной монеты.

В 1755—1761 гг. пятикопеечники из серебра стали чеканить регулярно. Дело Сената об их выпуске было начато 29 апреля 1755 г. [3, л. 60—93]. Инициатором «решения» дела в Сенате выступила Монетная канцелярия, подготовив доношение, «споспешествуя к пользе и интереса ее императорского величества, каким лутчим образом в Российском государстве на настоящих правилах учредить добро основанную монету» [3, л. 62]. Доношение подписано И. А. Шлаттером, И. Годиным и И. Нейманом.

В записке о рассмотрении Сенатом доношения от 2 мая упоминаются уже изготовленные пробные монеты: «а каким изображением оную монету печатать, оная Монетная канцелярия при том взносит четыре разные напечатанные сорта» [3, л. 66]. Эти пробные монеты в настоящее время не обнаружены; по-видимому, они не дошли до наших дней. Возможно, их оформление как-то перекликалось с сохранившимися пробными серебряными пятикопеечниками 1740 и 1762—1763 гг. [6, с. 141, 143].

Сенат, констатировав необходимость введения мелкой разменной серебряной монеты, определил весовую норму и поручил И. Шлаттеру изготовить пробные монеты согласно представленному образцу № 1. Выбор мотивирован тем, что аналогичный рисунок («орел в облаках») был одобрен императрицей при подготовке чеканки копеек. Сенат добавил под облако пять точек «для лутчего простому народу той пятикопеечной монете цены знания» [3, л. 68].

Пробы были изготовлены, соответствующее доношение подано в Сенат, результатом его рассмотрения и апробации пробных монет императрицей стал указ Сената Монетной канцелярии о начале массовой чеканки новых пятаков [3, л. 69, 70].

В Сенатском архиве сохранились черновики; подлинники были отправлены в Монетную канцелярию, которая в ответном доношении от 2 июня потребовала «указу» о количестве пятаков, которые требуется изготовить и о публикации указа об их выпуске «в народе» [3, л. 72]. Сенат, обсудив доношение 6 июня, постановил новые пятикопеечники

«с монетного двора в расход употреблять», подготовить печатный указ для опубликования с изображением новых монет, а также предложил Монетной канцелярии подготовить «формуляр» указа [3, л. 73 об.], который был подписан 16 июля и сохранился в копии [3, л. 75].

Следующий этап, подготовка текста к публикации и изготовление гравировальных досок с изображением новых монет отражен в материалах Санкт-Петербургского филиала Архива Академии наук.

В журнале Академии от 16 июня 1755 г. записано следующее: «Сего числа регистратор Тимофеев призван был в Правительствующий Сенат, где ему от секретаря господина Резанцова отдан новосделанный на монетном дворе серебряной пятикопеешник, по которому вырезать приказано на меди на дощечке изображенные на оном фигуры, которые будут при публичных указах напечатаны, приказали оный пятикопеешник отослать для прорисования и резания на меди к мастеру Соколову» [7, л. 296]. 4 июля изготовленные доска и «штемпель» были переданы сенатскому курьеру [7, л. 301]. Сенат, очевидно, их одобрил и передал в Сенатскую типографию в тот же день, поскольку именно эта дата — 4 июля — указана на листе как дата печати листов.

Типография напечатала лист с текстом «формуляра», присланным Монетной канцелярии (только уже как указа Сената) с изображениями монет [4, № 10 427], на нем указана дата печати, а дата подписания документа отсутствует. Это единственный итоговый указ из рассматриваемых, в котором нет привычного титула («Божьей милостью Мы, Елисавет первая» и т. д.), а есть запись: «Указ ея императорского величества самодержицы всероссийской из Правительствующего Сената». Нет и сведений о «конфирмации» императрицей указа, как в указе о медных копейках. Поэтому и в ПСЗ указ назван сенатским. При этом сохранилось прямое свидетельство о личном утверждении пробных монет императрицей в виде записки генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого: «1755 году мая в 21 день ея императорскому величеству поднесены мною 4 вновь по определению Правительствующего Сената назначенные делать серебряные пятикопеешники, которые ее императорское величество всемилостивейше принять и высочайшим удовольствием апробовать соизволила» [3, л. 71]. Однако ни в одном из рассматриваемых здесь эпизодов нет прямых свидетельств того, что императрица прочла сам текст указа.

Указ о пятаках был в июле 1755 г. разослан обычным порядком по ведомствам, по губерниям и провинциям (сохранились соответствующие реестры [3, л. 81—89]). На этом административную цепь введения новых пятаков в обращение можно считать законченной.

В 1755 г. была начата чеканка новых золотых монет. Наиболее интересные и долговечные из них — империалы и полуимпериалы, т. е. десяти- и пятирублевики.

Следует отметить недоступность этих монет для большинства населения. По свидетельству К. Ф. Фукса, «рубли серебряные лишь за несколько лет сделались известными черному народу. Еще за 15 лет они в торге почти совсем не принимались народом, или, по крайней мере, не с удовольствием, и сие по незнанию, потому что им известна была только медная монета» [8, с. 24]. Как отмечали И. Г. Спасский и А. И. Юхт, «иной крестьянин и помирал, не подержав в руках рублевик с царским портретом, а о золоте только в песнях слышал, да в сказках» [9, с. 137]. Эти высказывания справедливы и в отношении золотых пяти- и десятирублевиков XVIII в. Неслучайно Сенат, говоря об этих монетах, отмечал, что они «между знатными персонами уже употребляются» [3, л. 147].

В начале июля 1755 г. И. А. Шлаттер, И. Годин и И. Нейман подготовили доношение в Сенат, в котором предлагали начать чеканку новой «пятеришной», т. е. пятирублевой, монеты и подробно обосновывали свое предложение [3, л. 118—121; 10, с. 157, 158]. В доношении был такой пассаж: «она же (новая монета. — А. Б.) и к немалой российской славе служить будет, а наипаче ежели оной пристойное звание придать в пример тому, как протчие государи свои золотые монеты по себе называть повелели, яко “люидор” и “фридрихсдор”, то б сию “Елисаветин золотой” назвать было можно, дабы пребудущие потомки всегда великую основательницу сей монеты в памяти содержать могли» [3, л. 120 об. — 121]. При доношении были «внесены» две новые пробные монеты. Номинал их, к сожалению, не указан.

6 июля 1755 г. Сенат рассмотрел предложения и постановил обязать Монетную канцелярию «ещё на пробу сделать две двойные десятирублевые золотые ж монеты в разные пробы» [3, л. 121 об.]. Сам указ Сената Монетной канцелярии подготовлен 31 июля 1755 г. — сохранился черновик с правкой [3, л. 123, 123 об.]. 4 августа И. А. Шлаттер был «впущен» в Сенат, имея на руках десятирублевики разных проб. Одна из них дошла до наших дней — это десятирублевик с надписью «Елисаветин золотой», хранящийся в собрании Государственного Эрмитажа. Кроме того, до нас дошли пятирублевики с такой же надписью, отчеканенные подлинными штемпелями [1, с. 157, 158]. Предложение о помещении этой легенды Сенат в итоге отклонил и предписал поместить надпись «Монета золотая цена пять рублей» и, соответственно, «...цена десять рублей». Следует отметить, что эта надпись не стала окончательной.

В делах Сената сохранился карандашный рисунок проекта реверса десятирублевика на пергамене с надписью «МОНЕТА ЗОЛОТАЯ ЦЕНА ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ», в остальном повторяющий рисунок монеты, прошедшей в тираж [3, л. 159 а]. Это один из «нарисованных образцов», которые, судя по всему, были поданы Шлаттером в Сенат вместе с монетами. Помимо рисунка с гербами четырех царств был представлен рисунок с шестью гербами («изображено шесть коронованных щитов с гербами, а именно Казанской, Астраханской, Сибирской, Киевской, Владимирской и Новгородской, а в середине, где щиты сходятся, Московский герб, а промеж ими год и надпись такая: “Российской империи монета цена десять рублей”») и рисунок с изображением св. Андрея Первозванного [3, л. 124, 125 об.].

10 августа Монетная канцелярия отправила в Сенат доношение с описанием злосключений пробных монет и рисунков и рассуждениями о выгоде изготовления пяти- и десятирублевиков из золота 94 2/3 пробы. Доношение требовало «повелительного указа» о дальнейших действиях [3, л. 128]. И. А. Шлаттер в тот же день с этим же доношением был «впущен» в собрание Сената, и Сенат «приказали быть во всем по представлению той Монетной канцелярии» [3, л. 133, 133 об.]. Именно тогда Сенат выработал окончательную формулировку надписи на монетах — «ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЙСКАЯ МОНЕТА ЦЕНА ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ». Таким образом, вместо пресловутого «Елисаветина золотого» новым монетам было дано практически официальное название — «империял», закрепившееся за ними на полтора века.

31 августа 1755 г. новые пробные монеты 94 2/3 пробы были готовы и представлены в Сенат с соответствующим доношением [3, л. 136], на следующий день рассмотрены и 9 сентября 1755 г. лично утверждены императрицей Елизаветой [3, л. 138, 140 об.].

Таким образом, процесс проходил по тому же алгоритму, что и в случае с серебряными пятикопеечниками. Далее Сенат подготовил указ Монетной канцелярии с извещением об утверждении образцов императрицей и предписанием начать чеканку монеты и подготовить указ для публикации в народе; Монетная канцелярия подготовила «формуляр» и подала его в Сенат; последний утвердил, и в дело вступила Сенатская типография.

19 сентября 1755 г. И. А. Шлаттеру было поручено изготовить новые пробы монет с тем же оформлением, но 88-й пробы, поскольку в итоге было принято решение о чеканке именно таких монет. Пробы были готовы 27 сентября [3, л. 140].

Необходимым и наиболее трудоемким делом, связанным с изготовлением печатных листов, была подготовка изображений монет. Однако Академия с заданием не справилась — «штемпели» «в портретных ея императорского величества явились неисправны» [3, л. 147], и Сенат решил ограничиться описанием. В деле сохранились оттиски «штемпелей», подготовленных Академией наук: изображение императрицы и в самом деле оставляет желать лучшего [3, л. 160, 160a]. Утвержденное внешнее оформление золотых монет образца 1755 г. имело сложную композицию, и неудивительно, что качество «штемпелей» оказалось плохим. В других случаях, если публиковалась монета с портретом, ее изображение гравировали резцом на меди. В данном случае по каким-то причинам их вначале не гравировали [11, л. 83]. Была предпринята вторая попытка. Сохранился черновик предписания Сената Академии от 13 ноября [3, л. 149, 149 об.], а 14 ноября «Правительствующий Сенат приказали при тех публичных указах для скорости припечатать ныне одно тем монетам описание» [11, л. 83]. Интересно объяснение спешки: «Правительствующему Сенату небезызвестно, что те делающиеся золотые монеты между знатными персонами уже употребляются, а в народе о тех монетах, с каким оные изображением делаются, неизвестно» [3, л. 147]. Учитывая недоступность для большинства населения золотых монет, объяснение выглядит несколько надуманным.

Эти события отражены в корректурах печатных листов, которые просматривались и редактировались в Сенате. Сенатской типографии пришлось трижды перепечатывать листы, и только третий вариант был рестиражирован. В первой корректуре (от 9 ноября 1755 г.) вычеркнуто упоминание о повелении Академии наук выгравировать изображения монет для последующего их опубликования (13 ноября); во второй — сведения о повелении Монетной канцелярии «каким же порядком и способом оные золотые империяльные монеты в Нашей империи умножать» [3, л. 158, 159, 161].

Указ о чеканке золотой монеты был напечатан 12 ноября (дата подписания отсутствует, есть дата печати). С рассылкой указа формально узаконивалось обращение золотых империялов и полуимпериялов в России. Этот документ (как и предыдущий о пятаках) представляет собой отредактированный «формуляр», предложенный Монетной канцелярией Сенату.

Империялы и полуимпериялы недолго были единственными золотыми монетами с исчислением номинала в рублях (автор имеет в виду, что до этого почти все русские золотые монеты исчислялись в червон-

цах). В следующем, 1756 г., были введены новые золотые монеты достоинством в полтину, один и два рубля. Как следует из доношения Монетной канцелярии от 29 марта 1756 г., существовал именной указ Елизаветы о чеканке рублевиков и полтинников, и чеканка была начата, однако в народе об этом еще не было объявлено. Монетная канцелярия, опасаясь, что без официального объявления «в народном оном хождении не без сумнительства быть может» [3, л. 276], потребовала от Сената указа. 10 июня 1756 г. Елизавета Петровна «всемиловитейше указать соизволила на монетных дворах для народного употребления делать вновь золотую манету два рублевую и рублевую» [3, л. 278]. Повеление императрицы, сообщенное П. И. Шуваловым, явилось отправной точкой последующих действий: Сенат отправил Монетной канцелярии указы о чеканке и подготовке публикации печатных листов с указом для народа [3, л. 279—280 об.]; Монетная канцелярия «вносила» в Сенат рисунки новых монет, а затем и сами пробные монеты [3, л. 281]; она же готовила «формуляр», автором которого являлись все те же И. А. Шлаттер, И. Годин и И. Нейман (14 июня 1756 г., [3, л. 282]). И, наконец, Сенат дал окончательное заключение, утвердив формуляр и повелев подготовить печатные листы и выгравировать изображения новых монет для них [3, л. 283—284 об.]. Документов об изготовлении этих гравировальных досок пока не найдено. Во всяком случае, в чистовом печатном листе, сохранившемся в сенатских делах, о них даже не упоминается, а приведено только краткое описание монет [3, л. 286]. Лист отпечатан в Сенатской типографии 21 июня 1756 г., сведений о дате подписания не содержит. По-видимому, изображения так и не были изготовлены, а монеты начали чеканить, как отмечено в историографии, «для внутриворцового обихода», хотя в указе Елизаветы прописано, что ее чеканка предпринята «для народного употребления» без ограничений.

Следующая новая монета, чеканившаяся в конце царствования Елизаветы «ливонез» — монета для Прибалтийских провинций Ливонии и Эстляндии. Была и такая причина: начиналась Семилетняя война, а в Прибалтике были расквартированы русские войска, которым надо было платить жалованье.

Необходимость введения ливонезов была обоснована в доношении Монетной канцелярии, поданном в Сенат 10 сентября 1756 г., за подписями И. А. Шлаттера и И. Година [3, л. 303—310 об.]. 10 и 11 сентября Сенат рассмотрел доношение и приказал подготовить императрице доклад, приложив к нему проектные рисунки (по-видимому, они были при-

готовлены в Монетной канцелярии и прилагались к предыдущему доношению). В указе Сената Монетной канцелярии от 10 октября предписывалось «велеть к переделыванию помянутых новых монет как штемпели, так и прочие все потребности приготовить» [3, л. 321 об. — 322]. Доклад императрице составлен 9 октября, а 22-го Елизавета одобрила и доклад, и рисунки, при нем поданные [3, л. 323—335]. Из Сената были отправлены соответствующие указы Монетной канцелярии и Ревельской губернской канцелярии [3, л. 336—349 об.]; Монетная канцелярия подготовила «формуляр» [3, л. 351—352 об.], отправленный 31 октября в Сенат за подписями уже «тройки» — И. А. Шлаттера, И. Година и И. Неймана; 5 октября он был одобрен в Сенате.

Следующий этап — подготовка оттисков с изображениями монет для «припечатывания» при указах, которые изготавливались, как и остальные, в Гравировальной палате Академии наук. В Академию наук были посланы пробные монеты для образца (сохранилась расписка от 20 ноября 1756 г. [3, л. 361]). Доношение об изготовлении досок было отправлено в Сенат только 18 марта 1757 г., за подписями М. В. Ломоносова, И. Шумахера и И. Тауберта [3, л. 362]. Промедление объясняется тем, что в Академии наук обнаружили ошибку в легенде на реверсе монет, на исправление которой потребовалось время [12, с. 235].

20 марта 1757 г., т. е. когда первые ливонезы уже появились в Прибалтике, Сенат предписал Академии наук подготовить печатные листы с указом об их чеканке на двух языках — русском и немецком (черновик указа Сената Канцелярии Академии наук [3, л. 376]). Указы были напечатаны, и русский, и немецкий варианты датированы 19 марта 1757 г. [3, л. 377, 379]). Под текстом документа помещались оттиски с изображением ливонезов, великолепно награвированные Яковом Васильевым. Листы были разосланы согласно ведомостям.

В 1757 г. начала чеканиться медная монета 16-рублевой стопы, которую с небольшими перерывами более полувека чеканили в России в огромных количествах. Было решено прекратить чеканку копеек 8-рублевой стопы и начать выпуск целой серии новых медных монет достоинством в полушку, деньгу, копейку и две копейки. Началась Семилетняя война, потребовавшая привлечения больших средств, и проект П. И. Шувалова, согласно которому стопа медной монеты повышалась в два раза, пришелся кстати. Административный механизм выпуска этих монет также прослеживается по документам Сенатского архива.

Проект П. И. Шувалова о реформе медной монеты был подан в Конференцию при высочайшем дворе, созданную как орган для обсужде-

ния и решения внешнеполитических вопросов, но к концу елизаветинского царствования активно вмешивавшуюся во внутренние дела империи, в том числе и в управление монетным делом.

Проект был принят, о чем и было направлено «известие» в Монетную канцелярию [3, л. 463]. Конференция постановила подготовить печатные листы с изображением новых монет (экстракт из протокола от 3 апреля 1757 г., [3, л. 474]). Сенат постановил отпечатать листы, что и было сделано 8 апреля. В доношении, поданном из Монетной экспедиции в Сенат за подписью И. А. Шлаттера, раскрыт механизм их изготовления. Академии наук были отправлены рисунки (о пробных монетах не упомянуто) «для вырезания на меди и напечатания оных при публичных указах коим де формуляр сочинен быть имеет» [3, л. 483 об.]. Самого формуляра в сенатских делах нет, есть только печатный лист с изображениями, выгравированными Яковом Васильевым, и листы со списком учреждений и регионов, куда печатные листы были разосланы. Можно предполагать, что автором текста этого итогового документа был все тот же Шлаттер со своими товарищами.

Как отмечалось выше, своеобразным послесловием к проекту П. И. Шувалова 1757 г. стала чеканка медных пятаков, которая началась в 1758 году. Добавление этого номинала было инициировано П. И. Шуваловым. Как следует из его записки Сенату, императрица Елизавета «указать соизволила по предложенному образцу для обращения в государстве делать медные пятикопеешники» [3, л. 680]. Этот момент интересен с точки зрения соотнесения данных нумизматических и письменных источников: известно три варианта оформления пятаков — с петербургским, московским и сибирским гербом на аверсе. Первый образец — редчайшая монета, две другие — уникальные. Но, согласно записке Шувалова, императрице была подана только одна проба. Если это так, то пробы с гербами были забракованы еще до подачи проекта императрице, возможно — самим П. И. Шуваловым.

Утверждение пробной монеты императрицей стало, как и в предыдущих случаях, отправной точкой легитимизации новых монет. Схема была стандартной: Сенат отправил в Монетную канцелярию указ от 25 декабря 1757 г. с предписанием изготовить соответствующий формуляр «и представить ко апробации Правительствующему Сенату» [3, л. 681]. На обороте указа приписка: «Означенной приложенной при имянном указе образец отдан в Академию для рисования абрису регистратору Дмитрею Тимофеева 15 генваря 1758 г.» [3, л. 681 об.]. И. А. Шлаттер подготовил короткий формуляр и «взнес» его в Сенат 12 января 1758 г.

[3, л. 682, 683], 14 января он был рассмотрен в Сенате и утвержден [3, л. 684]. В отличие от предыдущих печатных листов с указами на этом листе есть и дата подписания, и дата печати (5 февраля 1758 г.). Двадцатидневная задержка обусловлена временем, необходимым для изготовления досок с изображением нового пятака. Интересно отметить, что наряду с листами с русским текстом были изготовлены и листы с немецким. Такой лист сохранился в сенатском архиве [3, л. 700]. Если в русском листе оттиснута медная доска, то в немецком использован второй вариант — «штемпель». Сохранилось доношение из лифляндской генерал-губернской регирунгс-канцелярии от 7 марта 1758 г. с просьбой «со оного напечатанного указа двести немецких экземпляров сюда прислать», поскольку указ «здесь напечатать невозможно» [3, л. 698].

После 1758 г. до конца десятилетия новые монеты в России не чеканились, если не считать серию монет для Пруссии, которые, однако, были предназначены для обращения за пределами страны. Их кратковременная чеканка была вызвана событиями Семилетней войны.

Таким образом, документы Сената являются важнейшим источником истории монетарной политики России в рассматриваемый период, поскольку именно на уровне Сената принимались важнейшие решения и утверждались важнейшие документы. В Сенат стекалась информация в виде доношений от Монетной канцелярии, рапортов и проектов.

Во всех рассмотренных случаях главную роль в подготовке необходимых мероприятий и документов играют два учреждения — Сенат и Монетная канцелярия, причем последняя выполняла основную работу: готовила пробные монеты, высказывала свои мысли по поводу выпуска монеты, наконец, непосредственно производила чеканку. Она же готовила текст указа о выпуске монет, объявляемого «во всенародное известие». Сенат контролировал и утверждал ее работу и руководил изготовлением печатных листов с указом о выпуске монет, который подписывался сенаторами. Роль императрицы Елизаветы невелика: она лишь утверждала пробные монеты, однако это было отправной точкой в дальнейших действиях.

Публикации указа о новых монетах отводилась важная роль, и его печать обсуждалась на высшем уровне. При этом указ именной, но подписан Сенатом формально с «соизволения» императрицы (кроме указа о пятаках 1755 г.).

Печатала листы Сенатская типография, подготовку изображений монет для печати осуществляла Академия наук. Этой подготовке придавалось большое значение (по меткому выражению Н. П. Лихачева,

они представляли собой «официальное, так сказать, *editio princeps*, изображение российских монет» [13, с. 13].

Рассылка печатных листов проводилась по росписям, в которых на каждое учреждение и регион отводилось определенное количество листов.

В двух случаях достоверно известно, что листы выпускались и с русским, и с немецким текстом.

Важно отметить, что материалы, опубликованные в Полном собрании законов и в Корпусе русских монет великого князя Георгия Михайловича, не могут заменить обращение к оригиналам, которое позволит получить более точную информацию о развитии российской монетной системы XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Уздеников В. В.* 1755 год // Монеты России XVIII — начала XX века: Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации. М. : Круг коллекционеров, 2004. С. 153—163.
2. РГАДА. Ф. 248. Кн. 2933.
3. РГАДА. Ф. 248. Кн. 2860.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 14.
5. *Богданов А. А.* Указы и манифесты XVIII века с изображениями монет // Богданов А. А. Монетное дело Российской империи: Находки. Исследования. Гипотезы: Очерки. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2011. С. 21—60.
6. *Уздеников В. В.* Номинал монеты — пять копеек // Монеты России XVIII — начала XX века: Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации. М. : Круг коллекционеров, 2004. С. 136—146.
7. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 200.
8. *Фукс К. Ф.* Краткое описание российских монет, находящихся в милицейском кабинете доктора и профессора Фукса. Казань, 1819.
9. *Спаский И. Г., Юхт А. И.* Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века : в 4 ч. М., 1987. Ч. 2. С. 109—151.
10. *Георгий Михайлович, вел. кн.* Монеты царствований императрицы Елизаветы I и императора Петра III : в 3 т. СПб., 1896. Т. 1. С. 157—158. Док. № 206.
11. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 202.
12. *Винклер П. П., фон.* Монеты для Эстляндии и Лифляндии (1756—1757) // Из истории монетного дела в России. М. : ГПИИБ, 2005. С. 231—240.
13. *Лихачёв Н. П.* Русские монеты 1741—1796 годов (критическая заметка). СПб., 1897.